DOI: 10.48647/ICCA.2026.45.11.011

Круглый стол «ИКСА РАН: грядущие 60 лет»

Для цитирования: Круглый стол «ИКСА РАН: грядущие 60 лет» // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2026. № 3. С. 79—104.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.45.11.011.

Round Table “ICCA RAS: next 60 years”

For citation: Round Table «ICCA RAS: next 60 years». *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2026, no. 3, pp. 79—104. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2026.45.11.011.

В ИКСА РАН 20 мая 2026 г. прошел молодежный круглый стол «ИКСА РАН: грядущие 60 лет», организованный Советом молодых ученых Института. Мероприятие приурочено к 60-летию ИКСА РАН и посвящено разговору о будущем стран и регионов, которые Институт изучает уже многие десятилетия.

Открыли мероприятие директор ИКСА РАН, д. филолог. н. К.В. Бабаев и заместитель директора, к.э.н. Т.Е. Горчакова. Они отметили, что сегодня особенно важно не только анализировать происходящее в мире, но и пытаться смотреть вперед — понимать, как будут меняться международная политика, экономика и роль отдельных регионов в ближайшие десятилетия.

В круглом столе приняли участие:

Е.С. Пыльцина, к.э.н., ученый секретарь ИКСА РАН, с.н.с. Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН;

К.В. Асмолов, к.и.н., в.н.с. Центра корейских исследований ИКСА РАН;

Т.М. Мамахатов, к.э.н., в.н.с. Центра «Россия, Китай, мир» ИКСА РАН;

А.Ч. Мокрецкий, с.н.с. Центра «Россия, Китай, мир» ИКСА РАН;

Е.О. Заклязьминская, к.э.н., руководитель Центра мировой политики и стратегического анализа ИКСА РАН;

А.Ю. Фадеева, н.с. Центра мировой политики и стратегического анализа ИКСА РАН;

А.В. Волошина, н.с. Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИКСА РАН;

И.С. Виноградов, к.и.н., с.н.с. Центра «Россия, Китай, мир» ИКСА РАН;

С.Н. Жилкибаев, независимый исследователь, востоковед;

Л.И. Семина, с.н.с. Центра корейских исследований ИКСА РАН;

А.Д. Александрова, н.с. Центра социально-экономических исследований Китая ИКСА РАН;

А.В. Котов, к.э.н., в.н.с., зав. сектором экономики ФРГ Центра германских исследований Института Европы РАН;

Ю.А. Мамаева, м.н.с. экспертно-аналитической лаборатории Восточной и Юго-Восточной Азии Центра социально-экономических исследований Китая ИКСА РАН;

Д.А. Юкнелите, ст. лаборант-исследователь Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИКСА РАН;

А.И. Купалов-Ярополк, м.н.с. Центра российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН;

У.А. Кукина, м.н.с. Сектора монгольских исследований ИКСА РАН;

Р.Е. Жилин, м.н.с. Отдела европейской безопасности Института Европы РАН;

М.А. Шапор, к.э.н., с.н.с. Центра социально-экономических исследований Китая ИКСА РАН;

Н.В. Пичугин, м.н.с. Центра политических исследований и прогнозов ИКСА РАН;

Нгуен Тхи Хаи Ань, ст. лаборант-исследователь Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН;

А.А. Попов, аспирант ИКСА РАН.

«Мировая политика и международные отношения»

Е.С. Пыльцина. Доклад Е.С. Пыльциной посвящен анализу нового этапа американо-китайского противостояния — «технологической войне», разворачивающейся по четырем ключевым измерениям: полупроводники и искусственный интеллект, прикладные высокотехнологичные решения (робототехника, электротранспорт, БПЛА), чистая энергетика и критические ресурсы, а также цифровая инфраструктура. Уже во введении задается главная теоретическая рамка: «переход от глобализации к геоэкономической фрагментации превратил технологии из инструмента сотрудничества в рычаг геополитического давления». США и Китай, продвигая несовместимые стандарты и стремясь снизить технологическую взаимозависимость, превратили Юго-Восточную Азию в эпицентр глобального сдвига — «одновременно важный производственный центр и арену борьбы за цифровое влияние».

Автор вводит понятие «неотехнонационализма» как идеологии, консолидировавшейся вокруг группы американских технологических предпринимателей — выходцев из «PayPal-мафии» (Илон Маск, Питер Тиль, Джейкоб Хелберг и др.).

В отличие от традиционных лоббистов, эти акторы предлагают «целостную геополитическую картину, в которой технологическое лидерство США напрямую увязывается со сдерживанием Китая». Практическим воплощением этой идеологии стала инициатива Госдепартамента Pax Silica, позиционируемая как способ обезопасить вычислительные мощности и важнейшие минералы, контролируя цепочки поставок в обход КНР. Само название апеллирует к образу стабильного и процветающего порядка, призванного убедить партнеров в долгосрочных выгодах участия.

Реакция государств АСЕАН на инициативу Pax Silica оказалась глубоко поляризованной, и авторы демонстрируют это через три страновых кейса. Сингапур стал единственным государством Юго-Восточной Азии среди первоначальных подписантов декларации, представив участие как поддержку «критически важных для государства отраслей, таких как ИИ, цифровая инфраструктура и передовые технологии», хотя конкретные механизмы взаимодействия все еще остаются предметом согласований. Филиппины, присоединившись к альянсу тринадцатыми, анонсировали создание Зоны экономической безопасности в коридоре Лусон, которая станет «первым центром ускорения ИИ-инвестиций, предназначенным для поддержки американских цепочек поставок». Малайзия, напротив, демонстрирует стратегию балансирования: готовясь зафиксировать крупные инвестиции от китайских полупроводниковых игроков в особую экономическую зону Джохор-Сингапур, Куала-Лумпур стремится извлекать выгоды из обоих центров силы.

Особое место в докладе занимает анализ институционально-правовых аспектов лусонской Зоны экономической безопасности. Территория будет «предоставлена американской стороне в безвозмездное пользование на два года» и беспрецедентно для зарубежных экономических зон «будет функционировать в юрисдикции американского общего права, обладая при этом дипломатическим иммунитетом». Автор констатирует, что обеспечение американской экономической безопасности фактически требует от государств-партнеров ограничения собственного национального суверенитета на выделенных территориях. Критики проекта характеризуют его как «масштабную распродажу» национального суверенитета, земель и минеральных ресурсов, тогда как сторонники видят в нем трамплин для технологической модернизации. Автор отмечает, что в случае обострения конфликта подобная зона «может мгновенно трансформироваться из производственного кластера в логистический и разведывательный узел двойного назначения».

Центральной ареной противостояния стала сфера искусственного интеллекта. США делают ставку на экспорт полного набора ИИ-инструментов и масштаб экосистемы, одновременно «наращивая давление на страны Юго-Восточной Азии, требуя соблюдения экспортных ограничений и пресечения предполагаемых каналов поставок полупроводниковых чипов в Китай». Китай, напротив, акцентирует открытость: Пекин делает ставку на открытые и нередко бесплатные модели ИИ, адаптируемые под локальные языки и потребности без жесткой привязки к проприетарным экосистемам. Лакмусовой бумажкой дозволенных «границ» для региона стала попытка Малайзии запустить суверенную ИИ-экосисте-

му на базе китайских чипов Huawei, от которой под давлением Вашингтона пришлось отказаться. Если Вашингтон «перегнет палку, навязывая странам ЮВА отказ от китайских технологий, это может дать и обратный эффект и подтолкнуть регион к выбору в пользу Китая».

Особый раздел посвящен борьбе за критические минералы и цифровую инфраструктуру. Китай удерживает около 70 % мировой добычи редкоземельных металлов и 90 % мощностей по их переработке, а страны ЮВА, располагая 20 % их мировых запасов, вынуждены экспортировать сырье в КНР, «фактически закрепляя свою интеграцию в китаецентричную ресурсообеспечивающую модель». В сфере телекоммуникаций большинство государств региона избрали мультивендорный подход, привлекая поставщиков из третьих стран (Японии, Франции, Германии) ради сохранения безопасности и независимости сети. Страны АСЕАН уже обеспечивают около 30 % мирового экспорта полупроводников, однако оборотной стороной этих успехов стало превращение региона в объект протекционистских мер со стороны обеих держав.

В заключение: главной угрозой для ЮВА остается риск «цифрового колониализма» — «перспектива превращения региона исключительно в сборочный цех, полигон для конкуренции чужих стандартов или сырьевой придаток, несущий экологическое бремя добычи критических минералов». Вместе с тем доклад отвергает образ АСЕАН как пассивного игрока: регион «демонстрирует широкий спектр прагматичных и адаптивных стратегий» и «волю государств ЮВА к сохранению собственной политической и экономической субъектности». Путь к снижению рисков видится в углублении региональной интеграции на основе таких инструментов, как Рамочное соглашение по цифровой экономике АСЕАН (DEFA), а ключевой задачей блока называют «сохранение стратегической автономии через диверсификацию партнеров, технологический суверенитет и углубление внутренней интеграции».

К.В. Асмолов. Прогнозирование для себя и для родины отличается только входными данными. Ошибки те же, приемы те же. Прогнозирование состоит из двух разделов: анализ данных и собственно прогнозирование как умение объяснить итог этого анализа. Последнее довольно важно, потому что часто требует комплекса навыков, не связанных напрямую со способностями аналитика.

Аналитик-прогнозист должен очень грамотно идти между своими желаниями и страхами, тогда он обретет объективность и будет смотреть в окно, а не в зеркало, потому что розовые и черные очки одинаково ограничивают зрение.

Прогноз должен иметь основу в виде верных вводных. Можно сделать (формально) совершенно верный прогноз, основанный на неверной или неполной информации. И он окажется ложным.

Хороший прогноз состоит из двух частей: что будет и что должно быть сделано, чтобы это было/этого не было. Прогнозы часто говорятся сегодня, чтобы не сбыться завтра. Если предсказанная катастрофа не сбывается, это был отличный прогноз. Он учитывает те факторы, которые существуют в настоящем, но, как правило, игнорирует факторы, которые могут появиться в будущем. Прогноз может учитывать некоторые тренды и предполагать, что в будущем появится то или

это, но эти представления о том, что будет изобретено, тоже базируется на знании настоящего. Однако на деле прогнозирование будущего — это умение понять, какие принципиально новые тренды могут в нем возникнуть.

Есть четыре группы прогнозов, которые ими не являются — это «антипрогнозы» как предупреждения, апокалипсические прогнозы как предмет продаж и частный случай продажи плохих товаров, долгосрочные прогнозы как разновидность социальной фантастики и псевдопрогнозы, обслуживающие тот или иной политический дискурс.

Т.М. Мамахатов. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) направлена на укрепление взаимного доверия, дружбы и добрососедства между государствами-членами, содействие их сотрудничеству в различных сферах (политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной и др.), а также совместное обеспечение и поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе. ШОС также стремится содействовать построению нового демократического, справедливого и рационального международного политического и экономического порядка.

Озвученная 1 сентября 2025 г. в Тяньцзине на полях саммита ШОС Си Цзиньпином «Инициатива глобального управления» (ИГУ) продолжила линию трех предыдущих глобальных инициатив: «Инициативы глобального развития», «Инициативы глобальной безопасности» и «Глобальной цивилизационной инициативы».

Выдвинутая Инициатива получила полную поддержку от лица стран — членов ШОС, а также российского государства.

На прошедшем Саммите ШОС руководство России и Китая выразили удовлетворение позитивной динамикой российско-китайского всеобъемлющего взаимодействия, углубленно обсудили двустороннюю повестку важности российско-китайских отношений в рамках ШОС. Стороны также коснулись вопросов практического взаимодействия России и Китая, включая их гуманитарную составляющую. Углубленный обмен мнениями состоялся по вопросам взаимодействия в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

Руководителями стран была подчеркнута важность укрепления тесной координации между двумя странами на международной арене, в том числе в ООН и ее Совете Безопасности, ШОС, БРИКС, «Группе двадцати» и АТЭС.

Главы России и Китая подтвердили твердую взаимную поддержку в вопросах, затрагивающих коренные интересы друг друга, включая защиту суверенитета, территориальной целостности и государственного единства во всем его региональном и этническом многообразии.

Российская сторона полностью поддерживает и разделяет выдвинутые Китаем глобальные инициативы. ИГУ отражает долгосрочное видение внешней политики КНР и на практике способствуют развитию ключевой внешнеполитической доктрины «сообщества единой судьбы человечества». В среднесрочной перспективе с усилением роли КНР инициативы будут служить для утверждения КНР в роли великой державы, ответственной за решение международных конфликтов и поддержание безопасности, что особенно важно в ситуации,

когда статус США для главного донора безопасности в ряде регионов, снижается.

В рамках «Инициативы глобального управления» было сформулировано пять принципов: соблюдение суверенного равенства, приверженность международному праву, подлинный многосторонний подход, ориентация на человека и акцент на практическую реализуемость. Россия полностью разделяет представленные принципы и считает, что это должно стать ответом на мировую турбулентность, рост протекционизма и кризис глобализации.

Суверенное равенство выступает краеугольным принципом инициативы. Путин и Си Цзиньпин считают, что страны — большие и малые, богатые и бедные, развитые и развивающиеся — должны участвовать в глобальном управлении на равных правах и в равной степени пользоваться его результатами. Китай на протяжении последних лет настаивает на демократизации международных отношений, усилении роли развивающихся стран и поддержке ведущей роли ООН как центра международной системы. Россия же отстаивает свое право на независимость и полный суверенитет во внешней и внутренней политике, без вмешательства мирового гегемона.

А.Ч. Мокрецкий. По заветам В.И. Ленина, внешняя политика является продолжением внутреннего курса страны. Китайская дипломатия не является исключением. Она служит, прежде всего, для активного создания благоприятных международных условий в целях устойчивого развития государства.

На 18-м съезде КПК с 8 по 14 ноября 2012 г. были обнародованы «две столетние цели»: к 100-летию КПК (2021 г.) достичь всестороннего построения общества малого благоденствия «сяокан»; к столетию образования КНР (2049 г.) построить богатое, могущественное, демократическое, цивилизованное, гармоничное и красивое государство.

В 2017 г. коллектив ученых университета Цинхуа во главе с известным китайским экономистом Ху Аньганом сделал прогноз, согласно которому Китай вступит в «средний этап социализма», как только завершит «две столетние цели», т. е. после 2050 г. При этом предстоит решить как минимум две исторические задачи: во-первых, к столетию начала политики реформ и открытости Китая (2078 г.) построить «высокоразвитое демократическое, цивилизованное, гармоничное и экологичное социалистическое современное государство», то есть реализовать «третью столетнюю цель борьбы»; во-вторых, к концу текущего столетия осуществить великое возрождение китайской нации.

В заключение хотелось бы ответить на вопрос, озвученный в названии доклада. Что ждет китайскую дипломатию спустя 60 лет? Безусловно, страна будет занята достижением двух «столетних целей» и гипотетической третьей. «Головокружения от успехов» возможны и могут влиять на принятие решений руководства. При этом комплекс нерешенных проблем развития вкупе с появлением новых ставит Пекин перед дилеммой: различные сценарии, в том числе самые негативные, не исключаются, но представляются маловероятными.

Е.О. Заклязьминская. Период 1946—1991 гг. был отмечен холодной войной, расколовшей мир на два лагеря во главе с США и СССР, однако уже с середины

1950-х гг. в социалистическом блоке возникла трещина — начался советско-китайский раскол (中苏分裂), когда Пекин сформулировал концепцию «советской угрозы», а в 1969 г. дело дошло до прямых вооруженных столкновений на границе. Параллельно Китай искал выход из изоляции, пытаясь наладить контакты с капиталистическим миром. В 1971 г. «пинг-понговая дипломатия» (乒乓外交) и первые контакты спортсменов США и КНР открыли «новую страницу» двусторонних связей. За ними последовали визиты Г. Киссинджера, возвращение КНР в ООН и историческая поездка президента США Р. Никсона в Китай, завершившаяся подписанием Шанхайского коммюнике. В 1979 г. дипломатические отношения между США и КНР были восстановлены — это стало отправной точкой для будущей экономической интеграции, и в тот же период Советский Союз оказывался в положении «третьего лишнего». С началом политики реформ и открытости Китай активно встраивался в глобальную экономику, и лишь в середине 1980-х гг. Дэн Сяопин инициировал пересмотр отношений с Москвой, призвав «закрыть прошлое, открыть будущее», а распад СССР в декабре 1991 г. окончательно разрушил старую архитектонику. Еще в марте 1990 г. Дэн Сяопин отметил, что «прежняя мировая архитектура рушится, но процесс не завершен», и принципиально важным стало признание, что мир становится многополярным, а Китай — один из его полюсов, однако, по словам самого Дэна, «лидерство Китаю не по силам, в нем нет пользы, поскольку оно сковывает инициативу». Именно тогда были сформулированы знаменитые «заветы Дэн Сяопина в 28 иероглифах» — «хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявлять выдержку, держаться в тени, защищать свои собственные взгляды, ни в коем случае не лезть на первое место и при этом делать что-то реальное[1]». Эта стратегия позволила Китаю в 90-е гг. выстроить отношения как с Россией, ставшей стратегическим партнером в 1996 г., так и с США, получившими аналогичный статус в 1998 г.

Первое десятилетие XXI в. стало периодом формирования «Кимерики» (Chimerica, 中美共生体) — феномена глубокой экономической взаимозависимости двух сверхдержав, закрепленной вступлением КНР в ВТО в 2001 г. и подписанием с Россией «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве». К 2010 г. Китай стал второй экономикой мира, а в 2013 г. Москва и Пекин провозгласили отношения нового типа между великими державами. Однако уже к середине 2010-х гг. вектор сменился: запуск евразийской инициативы Пекина «Пояс и путь», объявление Россией и Китаем «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающего в новую эпоху» и принятие плана «Сделано в Китае — 2025» были восприняты в Вашингтоне как прямой вызов. С 2017 г. началась торговая война 1.0, к 2018 г. Китай был официально признан «стратегическим конкурентом», а в апреле 2021 г. США приняли «Закон о стратегической конкуренции», в котором Китай был назван основным конкурентом, задействующим политические, экономические, военные и идеологические рычаги для достижения глобального равенства с США — Китай ответил усилением

[1] Кит. 冷静观察、稳住阵脚、沉着应付、韬光养晦、善于守拙、决不当头、有所作为 (прим.авт.).

«дипломатии боевых волков» (战狼外交). Параллельно углублялось стратегическое партнерство Китая и России, которое с 2021 г. было объявлено «не имеющим ни пределов, ни запретных зон, ни высшей ограничительной планки». Углубление украинского кризиса в феврале 2022 г., более выраженный «Поворот на Восток» у России и рост конкурентоспособности у Китая привели к попыткам США затянуть «санкционную петлю» вокруг Москвы и Пекина одновременно.

Возвращение Д. Трампа в Белый дом в январе 2025 г. спровоцировало новый виток торговой войны (2.0), пять раундов напряженных переговоров и жесткий отпор Пекина, который симметрично отвечал и применил крайнюю меру, разыграв «редкоземельную карту». К октябрю 2025 г. было заключено хрупкое годичное перемирие, однако уже в феврале 2026 г. разразились ближневосточные события, которые привели к глубокому энергетическому кризису в мире и поставили под угрозу предстоящий визит Трампа в КНР, который в итоге состоялся на месяц позже, в мае. На фоне глобальных потрясений США и КНР продлили торговое «перемирие» еще на 18 месяцев и зафиксировали на три года доктрину «конструктивной стратегической стабильности» между странами, основанную на трех принципах — сотрудничества как основы, здоровой и контролируемой конкуренции и управляемых разногласиях. Пекин отчетливо демонстрировал всему миру усталость от нестабильного поведения Вашингтона. Последовавший следом визит российского Президента в Китай, напротив, подтвердил надежность и предсказуемость отношений между странами: Россия и Китай отпраздновали 30-летие стратегического партнерства и 25-летие «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», была подписана «Декларация о становлении многополярного мира и международных отношений нового типа», документ об углублении партнерства, а «Большой договор» был пролонгирован еще на 5 лет.

Делая средне- и долгосрочные прогнозы, приходим к выводу, что с высокой вероятностью поиски баланса в «стратегическом треугольнике» продолжатся. Китай будет придерживаться политики «управляемой конкуренции» с США и «управляемого сближения» с Россией, тогда как Россия продолжит углублять сотрудничество с КНР, одновременно предпринимая попытки возобновить конструктивный диалог с Западом, а США, столкнувшись с крахом попыток восстановить однополярную гегемонию, будут вынуждены смириться с ролью одной из вершин нового многополярного мира, где основной ценностью станет справедливость. Появятся механизмы взаимных сдержек: Россия и Китай будут ограничивать друг друга от гегемонистских амбиций, и такая система «сдержек и противовесов» (制衡机制) станет стабилизирующим фактором международных отношений. Все больше государств обратятся к концепции «государства-цивилизации» (文明国家), переосмысливая свое колониальное и колонизаторское прошлое и обращаясь к истокам национальной идентичности, система контроля над средствами массового уничтожения сохранится, однако страны-изгои постепенно утратят изолированный статус и вольются в мировое сообщество. Среди угроз сохраняется международный терроризм, но тотальный контроль государств и привычка граждан к прозрачности частной и общественной жизни приведут к установлению тотального порядка. Открытыми, на наш взгляд, на долгие

годы останутся три ключевых вызова: пределы использования ИИ, границы национальной пропаганды и вопрос роботизации мира.

А.Ю. Фадеева. В последние годы российская политика в Евразии все чаще становится объектом внимания китайских исследователей. Такой интерес связан как с растущей ролью Евразии в мировой политике, так и с активным участием Китая в региональных интеграционных процессах. Анализ китайских оценок позволяет не только лучше понять восприятие России за рубежом, но и увидеть, каким образом российская политика вписывается в более широкий контекст формирования многополярного мира.

Истоки современной евразийской политики России китайские исследователи связывают с развитием идеи евразийства, возникшей в первой половине XX в. После распада СССР данная концепция получила новое развитие и стала одной из интеллектуальных основ интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС), развитие концепции Большого Евразийского партнерства и выдвижение инициатив по формированию новой архитектуры безопасности Евразии рассматриваются как продолжение этой традиции.

По мнению многих китайских экспертов, современная российская политика в Евразии представляет собой стратегию балансирования. Ее основная цель заключается в сохранении стратегической автономии России, укреплении ее позиций в Евразии и участии в формировании многополярного мирового порядка. В китайском экспертном дискурсе обычно выделяются три измерения данной стратегии: силовое, связанное с вопросами безопасности; идейное, основанное на концепциях многополярности и Большой Евразии; и институциональное, реализуемое через развитие интеграционных механизмов, прежде всего ЕАЭС.

Вместе с тем китайские исследователи обращают внимание на существующие ограничения российской стратегии. Среди них выделяются многовекторная политика государств Центральной Азии, экономические ограничения и сложная международная обстановка. В связи с этим все большее значение приобретают не только традиционные инструменты влияния, но и развитие транспортных, финансовых, технологических и гуманитарных связей.

Проведенный анализ показывает, что китайские исследователи рассматривают российскую политику в Евразии не как совокупность отдельных инициатив, а как попытку сформировать собственную модель регионального порядка. В связи с этим ключевой вопрос заключается в том, сможет ли Россия в дальнейшем объединить существующие политические, экономические и интеграционные проекты в единую стратегическую систему и предложить собственную модель организации евразийского пространства в условиях формирования многополярного мира.

А.В. Волошина. По результатам президентских и парламентских выборов в январе 2024 г. на Тайване сложилась ситуация разделенного правления, когда президент и законодательное большинство принадлежат к разным политическим партиям.

С декабря прошлого года на фоне усиливающегося противоборства ДПП и оппозиционных партий, затяжного конфликта в отношениях исполнительной и законодательной ветвей власти, тупика вокруг работы Конституционного суда политическая ситуация на острове приобрела отчетливые признаки конституционного кризиса.

Исполнительная власть создала прецедент превышения полномочий, изначально заложенных в конституции, отказавшись от подписания принятых в декабре 2025 г. законодательных поправок и уже через пару месяцев повторила его. Чжо Жунтай 4 марта 2026 г. отказался подписать принятые парламентом поправки еще к трем законам (к «Положению о партийных активах», «Закону о спутниковом теле- и радиовещании» и «Закону об организации Законодательного юаня»).

В обозримой перспективе путей выхода из кризиса нет: ни одна из сторон не готова к компромиссу, у администрации ДПП нет возможности проактивно распустить парламент, Законодательный юань не решается задействовать механизм вынесения вотума недоверия премьеру Чжо Жунтаю и не обладает эффективными инструментами для принуждения правительства к подписанию принятых законопроектов.

Затяжная политическая конфронтация продлится вплоть до президентских и парламентских выборов 2028 г. и имеет шанс на преодоление лишь в случае выхода Тайваня из ситуации разделенного правления по результатам этих выборов.

И.С. Виноградов. С начала XXI в. Китай превратился из незначительного игрока в доминирующую силу в Латинской Америке (ЛА), наряду с США и ЕС. Китай уже является главным торговым партнером для большинства стран Южной Америки.

Регион имеет стратегическое значение для будущего развития экономики КНР благодаря обилию природных ресурсов и критически важных сырьевых материалов (литий, медь, сельскохозяйственные ресурсы, нефть). Одновременно регион выступает емким потребительским рынком для сбыта китайских товаров.

Параллельно с поддержанием экономических связей с ЛА, Китай также укрепляет свои политические отношения с регионом, прежде всего, через форум Китай—СЕЛАК.

Китай оформляет свои подходы и стратегию в сотрудничестве с регионом в Белых книгах. Последняя, 3-я, Белая книга в отношении политики Китая в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна, выпущенная МИД КНР в 2025 г., строится вокруг пяти «программ»: «Солидарность», «Развитие», «Цивилизация», «Мир» и «Связь между людьми», подтверждается роль Латинской Америки в реализации 4 глобальных инициативах, выдвинутых Си Цзиньпином в области развития, цивилизации, безопасности, управления, а также «сотрудничество в рамках Инициативы Пояс и путь (ИПП).

Китай предоставляет обширные возможности в заполнении пробелов развития инфраструктуры в регионе, развитии «зеленой экономики», цифровизации региона. Недавним примером стратегических китайских инвестиций стал запуск

мегапорта Чанкай в Перу, открывший новые логистические возможности для всего тихоокеанского побережья ЛА.

При этом для стран ЛА экспансия КНР имеет и свои издержки: ловушка сырьевой зависимости, деиндустриализация, долговая кабала, экологические риски. Доминирование в западном полушарии (возврат к доктрине Монро) при администрации Трампа вновь стало важным приоритетом внешней политики США. Вашингтон реализует политику вытеснения Китая из региона, что выразилось в давлении на Панаму (выход Панамы из ИПП, аннулирование контрактов с гонконгской СК Hutchison по управлению портами на выходах Панамского канала), захвате президента Венесуэлы Мадуро (что в итоге поставило под контроль США нефтяную отрасль Венесуэлы), усилении блокады Кубы.

Таким образом, ЛА занимает важное место в политике Китая на пространстве Глобального Юга, что подтверждено публикацией последнего официального Документа КНР о политике в отношении ЛАКБ в декабре 2025 г. Однако присутствие Китая сталкивается с растущим противодействием США и требует от Пекина гибкой стратегии защиты своих активов при сохранении своей традиционной «несиловой идентичности».

В текущих условиях перспективы китайской стратегии в регионе сложны и требуют адаптации: Китаю необходимо переходить от количественного наращивания экономических связей к более качественному подходу, качественно углублять соглашения о свободной торговле, учитывать экологические риски и опасения местного населения, глубже учитывать политические риски как в случае с Венесуэлой, мягко усиливать дипломатическую мобилизацию региона против американского гегемонизма.

С.Н. Жилкибаев. В последнее время проблематика современного Китая, находящегося под руководством Коммунистической партии, превратилась в крайне популярную.

В ходе «догоняющей» «мобилизационной» индустриализации КНР в рамках первой пятилетки, авантюр маоизма леворадикального толка и «политики реформ и открытости» рабочий класс КНР рос, но лишь внешне, формально, экстенсивно. Сильно насыщаясь огромным количеством китайского крестьянства. Это приводило к «размыванию» фабрично-заводского рабочего класса в «огромном море» китайского пролетариата (аналогичные процессы происходили среди членов КПК и народных депутатов).

Подобная «мелкобуржуазная деформация», помимо базиса (экономика и социум), затронула и надстройку (государство, право и культура). Это приводило к статусу «третьего сорта» сферу прав и свобод человека и гражданина в формальном, институциональном, а также содержательном и гарантийном плане. Институты, нормы и обеспечение социальной защиты и обеспечения населения КНР были и остаются на «остаточном положении» после макроэкономической, военной и административной политики.

Постепенное и явно недостаточное расширение социального обеспечения для закрепления «борьбы с бедностью», «достижения зажиточности» и «включения внутреннего потребления как основного драйвера экономического роста» на

протяжении истории КНР происходит не столько под весом «увеличения экономического пирога» или «мудрости китайского руководства», сколько под весом массовой усиливающейся, но стихийной и неорганизованной классовой борьбы китайских трудящихся: от протестов против маоизма до протестов против локдауна эпидемии ковида.

В отличие от административного, гражданского и экономического права, социальное право (трудовое право, экологическое право, право социального обеспечения) развивается наиболее медленно, редко, отрывочно и крайне неоднозначно в социальном плане.

Источниковая база для данных исследований крайне ограничена усиливающейся пеленой «информационного шума» и занавесом «цифровой цензуры» КНР внутри и вне страны. Однако широки и весомы перспективы дальнейшего исследования данной тематики в исследованиях, чем отчасти занимаются наши зарубежные коллеги.

«Глобальные тенденции мировой экономики»

Л.И. Семина. Экономика здравоохранения является совсем молодой отраслью научной мысли, ее появление можно отнести ко второй половине XX в. Ее понятийный аппарат и методы исследования только формируются, это мало изученная область. При этом пандемия COVID-19 продемонстрировала необходимость качественных исследований в данном направлении и повысила спрос на них. Кроме того, что данное направление экономики только формируется и ключевые гипотезы проходят этап апробации, ситуация усложняется тем, что мир сейчас находится на стадии глобального перехода, требующего разработки новых подходов, ранее не применяемых. Таким образом, данное направление исследований открывает новые вызовы и перспективы для науки на ближайшие 60 лет.

Население мира стареет, доля пожилых растет. Согласно данным доклада Население мира за 2024 г., именно ближайшие 60 лет, до 2080-х гг. данная тенденция продолжится, после чего будет наблюдаться сокращение населения. Пик достигнет 10,3 млрд человек, а к 2100 г. эта цифра составит уже 10,2 млрд. Стоит отметить, что данный прогноз корректируется, и последняя переоценка произошла из-за снижения уровня рождаемости в Китае, это говорит о том, что хорошие эксперты по Азии, которые постоянно мониторят ситуацию в регионе, очень важны. Через 50—60 лет число людей старше 65 лет превысит число детей до 18 лет и составит более 2 млрд человек. Подобные демографические изменения требуют от правительств пересматривать подходы к организации систем здравоохранения, их финансирования, готовить программы долгосрочного ухода, развивать новые технологии.

Инновации меняют структуры всех отраслей и здравоохранение не является исключением. Уже начали проводить исследования, насколько современные технологии освобождают медицинских работников от нагрузки, поэтому вопрос нехватки персонала, который остро стоит перед многими странами, может решиться и за счет внедрения новых технологий. Все это требует изучения, расчетов, рекомендаций для правительств со стороны ученых.

Что касается специфики азиатского региона, кроме того, что ряд ведущих стран первыми сталкиваются с проблемой стареющего населения и роста числа хронических болезней, что вынуждает их пересматривать существующие подходы к оказанию медицинской помощи и финансирования, еще один вызывающий интерес момент, который был недостаточно исследован, — сочетание традиционной и доказательной современной медицины. Тем самым экономика здравоохранения стран азиатского региона в ближайшие 60 лет будет востребованной темой для исследований, специалистов по которой очень мало.

А.Д. Александрова. С 2016 г. в стране наблюдается ежегодное снижение коэффициента рождаемости, поэтому проблема снижения уровня рождаемости стала одной из ключевых демографических проблем для Китая. В мае 2023 г. повышение рождаемости было признано в Китае главным социальным приоритетом, а в 2024 г. СМИ сообщали об активизации общенациональной кампании по стимулированию рождаемости в Китае. Согласно данным, опубликованным ГСУ КНР, в 2025 г. родились 7,92 млн детей (в 2024 г. — 9,54 млн детей), а численность населения сократилась на 3,39 млн человек. При этом коэффициент рождаемости на тысячу человек снизился до 5,63.

В первом квартале 2026 г. в Китае было зарегистрировано 1,697 млн новых браков, что на 6,2 % меньше, чем за аналогичный период годом ранее. Это самый низкий показатель за все время сбора подобных данных — с 2013 г. Почему так происходит? Прежде всего, это последствия политики «одна семья — один ребенок». Кроме того, сохраняющаяся высокая стоимость воспитания детей и жилья, особенно в городах, проблемы женщин в сфере занятости (например, гендерная дискриминация в отношении работающих женщин), неготовность к вступлению в брак и рождению детей, безработица среди молодежи также оказывают негативное влияние на уровень рождаемости.

Какие меры уже ввел Китай для повышения рождаемости? Были отменены все штрафы и другие санкции за рождение третьего ребенка, смягчены правила регистрации брака, введена государственная система субсидий для поддержки рождаемости и т. д. В чем состоит стратегия национального восстановления? Прежде всего, это поддержка ранее выбранного курса и введение дополнительных субсидий. Кроме того, расширение инвестиций в образование, в политику по уходу за детьми и повышению рождаемости, чтобы снизить высокие затраты на воспитание детей. Были также сняты, например, ограничения на покупку недвижимости: семьи с тремя и более детьми теперь могут покупать до трех квартир в разных городах без ограничений, а для семей без прописки введены «специальные квоты» на покупку жилья в 15 крупнейших городах, что фактически ослабляет систему Хукоу.

Однако, если стратегия национального восстановления не принесет ожидаемого эффекта, то к 2030 г. численность населения страны в возрасте 60 лет и старше достигнет примерно 390 млн, что означает переход от общества среднего возраста к обществу преклонного возраста и приведет к росту расходов на пенсионные выплаты и здравоохранение. В таком случае Китаю придется решать сразу несколько задач: создать устойчивую систему социальной защиты, учитывающую

новую демографическую реальность (например, укрепление пенсионной системы) и развивать «серебряную экономику». И если в начале 2024 г. Государственный совет Китая представил Руководство по укреплению серебряной экономики, то укрепление пенсионной системы — сложный процесс, требующий времени и проведения дополнительных реформ.

Поэтому правительство Китая продолжает реализацию комплекса мер, направленных на стимулирование рождаемости, чтобы стабилизировать демографическую ситуацию и решить проблему старения населения.

А.В. Котов. Необходимость постановки вопроса о стратегическом экономическом прогнозе взаимодействия Европы и Азии обусловлена радикальным перспективным изменением глобального баланса сил. По экспертным оценкам, к 2050 г. совокупный удельный вес Китая и Индии в мировой экономике (40 %) почти вдвое превысит долю США и ЕС вместе взятых (21 %). Зарубежная Азия в стратегическом прогнозе сохраняет лидерство в структуре асимметричной биполярности. При сжатии доли ЕС в мировом ВВП с прогнозируемых 12,6 % в 2030 г. до 9 % в 2050 г. блок встанет перед необходимостью перестроить внешнеэкономическую стратегию. Ключевыми критическими развилками прогноза является зависимость от азиатского импорта (редкоземельные металлы, полупроводники, компоненты для зеленой энергетики) и результативность выстраивания стратегии «снижения рисков» от Китая. В условиях фрагментации мирового технологического пространства прогноз помогает оценить риски технологической автономности и найти возможные точки соприкосновения в особо значимых сферах (цифровые платформы, современные стандарты связи, искусственный интеллект, квантовые вычисления).

Для европейского экономического полюса ключевыми стимулами долгосрочных изменений выступают кризис традиционной модели поставок, двойной (зеленый и цифровой) переход, ускорение развитие общеевропейского ВПК, долгосрочный пересмотр логистики. Макрорегион зарубежной Азии в целом демонстрирует опережающую модернизацию, стимулируемую внутренними факторами роста: обеспечением технологического лидерства, развитием континентальной связности, ростом применения передовых производственных технологий.

Отметим, что взаимодействие Европы и Азии разворачивается на фоне группы макроструктурных факторов, определяющих контуры перспективного хозяйственно-политического пространства Евразии. К ним относятся климатические изменения, способствующие становлению новых логистических направлений, нарастающее технологическое соперничество США и Китая, ведущее к формированию обособленных техно-экономических блоков. Для баланса взаимодействия с Китаем, Европа с высокой вероятностью будет с опережающим темпом наращивать сотрудничество с Индией. Макрорегион Центральной Азии, по нашему мнению, в этих условиях становится ключевым ресурсным ядром как для стагнирующей европейской промышленности, так и для растущих азиатских производств.

В рамках становления мирового технологического уклада экономические взаимодействия между Европой и Азией могут последовательно пройти три ключевые стадии:

— 2026—2040 гг. (период фрагментации): становление в западной и восточной части Евразии автономных технологических платформ. ЕС будет пытаться удержать лидерство за счет собственной регуляторной политики, стандартов зеленой экономики. Экономическое ядро мировой экономики окончательно смещается в Азию;

— 2040—2060 гг. (конкурентно-кооперационное взаимодействие поляризованного мира): стягивание основных мировых экономических взаимодействий в небольшое количество основных полюсов роста (Китай, США, ЕС, Индия), выстраивание пространств экономической безопасности, кристаллизация маршрутов новой морской и сухопутной логистики;

— 2060—2080 гг. (новая интеграция): складывание нового типа взаимодействий на основе роста значимости межотраслевого комплекса «вода—энергия—климат» на фоне обостряющихся природно-климатических проблем.

Контуры стратегического экономического прогноза позволяют спрогнозировать, что попытки ЕС сохранить лидерство за счет нормативного регулирования зеленых и цифровых технологий в 2026—2040 гг. принесут лишь временный эффект. Итоговый вектор развития Евразии направлен безальтернативно в сторону устойчивого роста влияния восточноазиатского экономического ядра.

В этих условиях России целесообразно продолжать долгосрочную эшелонированную работу по укреплению хозяйственно-политических взаимодействий с Центральной Азией, формированию обустроенного Трансарктического транспортного коридора будущего движения между Восточной Азией и Европой и трансазийских коридоров (Арктика — Индия), развертыванию новых промышленно-инновационных баз в Сибири, развитию взаимовыгодной кооперации полимасштабных производственно-территориальных систем Сибири и Дальнего Востока с Китаем, Монголией, государствами АСЕАН.

Ю.А. Мамаева. Китай последовательно реализует масштабную стратегию развития цифрового юаня (e-CNY), превращая его из экспериментального инструмента в ключевой элемент как внутренней финансовой системы, так и международных расчетов. Центральным этапом этой трансформации стал переход с 1 января 2026 г. от версии 1.0, воспринимаемой как «цифровые наличные» (аналог агрегата M0), к версии 2.0 — «цифровой депозитной валюте», интегрированной в более широкую денежную систему (M1/M2).

Данный переход означает не просто технологическое обновление, а значительную трансформацию в определении понятия цифровой национальной валюты. Если ранее e-CNY выступал цифровым эквивалентом наличности, то сегодня он становится полноценным финансовым активом, инструментом, встроенным в систему государственного регулирования и управления ликвидностью. Это позволяет расширить его функциональность, повысить прозрачность операций и усилить контроль над денежным обращением.

Расширение использования e-CNY закреплено на стратегическом уровне и отражено в 15-м национальном пятилетнем плане как курс на его поступательное и неуклонное развитие. В основе данной политики лежит стремление укрепить финансовый суверенитет страны и снизить зависимость от внешних платежных инфраструктур. Одновременно создается более безопасная и устойчивая система расчетов, способная эффективно функционировать в условиях глобальной неопределенности. Существенное значение придается расширению финансовой доступности, что способствует вовлечению широких слоев населения и бизнеса в цифровую экономику. Параллельно усиливается роль цифрового юаня как инструмента интернационализации национальной валюты.

Влияние e-CNY на экономику и общество уже становится заметным. Прежде всего, происходит постепенное снижение зависимости от доллара США в международной торговле и расчетах. Одновременно модернизируется финансовая инфраструктура: цифровой юань повышает эффективность, снижает транзакционные издержки и укрепляет устойчивость финансовой системы. На уровне общества меняются потребительские привычки: ускоряется цифровизация повседневных платежей и финансового поведения. Существенным преимуществом является и усиление борьбы с мошенничеством благодаря повышенной прозрачности транзакций, а также глубокая интеграция платежной системы с государственным управлением.

Переход e-CNY от пилотного проекта к массовому использованию представляет собой не просто эволюцию платежного инструмента, а ключевой этап цифровой трансформации всей финансовой системы Китая. В более широком контексте это может стать одним из наиболее значимых факторов изменения глобальной финансовой архитектуры в ближайшие годы.

Д.А. Юкнелите. Согласно данным на 2025 г., общая численность китайцев за рубежом — хуацяо — оценивается в 50 млн человек по всему миру. В Европе их количество выросло с 1,32 до 2,38 млн за период с 2010 по 2025 г. Это рост почти на 80 % за 15 лет. В одном только итальянском городе Прато сегодня проживает около 33 тыс. китайцев — это 17 % населения города.

По данным Eurostat за 2024—2025 гг., китайским студентам и исследователям выдано 44 000 разрешений на въезд в ЕС (9 % от всех учебных виз), лидеры — Германия и Франция. По программе EU Blue Card китайцы получили 4 600 разрешений (6 % от всех выданных в ЕС). Традиционная трудовая миграция сокращается: с 19 962 зарегистрированных рабочих в 2016 г. до примерно 14 700 в 2023 г. В 2025 г. страны ЕС получили от китайцев около 9 тыс. запросов на убежище, в Италии показатель вырос с 499 в 2019 г. до почти 4 тыс. в 2025 г. Через 60 лет ключевым фактором останется старение Европы (уже в 2013 г. доля населения старше 65 лет — 17,9 % во Франции и 20,8 % в Италии), в связи с чем трудовая миграция сократится по сравнению с пиковыми значениями 2000—2010 гг. (новое миграционное законодательство в Европе ориентировано на качественный рост миграции — придут специалисты в медицине, IT, инженерии, уходе за пожилыми).

Важным новшеством в области миграциологии станет изменение инструментария, уже появились такие методы, как цифровая этнография (полевое изу-

чение переместится в цифровое пространство), анализ больших данных (дешифрованные данные мобильных операторов, геолокация, транзакции в обезличенном виде), машинное обучение.

А.И. Купалов-Ярополк. Африканский рынок телекоммуникаций является одним из наиболее динамично развивающихся в мире. Траекторию прогресса в отрасли связи макрорегиона по совокупности формирует ряд значимых факторов: социально-экономических, научно-технологических, а также политических. Особую роль в развитии африканского телеком-сектора играют внерегиональные партнеры: их прямые инвестиции в проекты и содействие расширению поставок цифровой продукции заметно ускоряют модернизацию отрасли.

Лидером по объему экспорта товаров и услуг связи на континент является Китайская Народная Республика (КНР). В 2019 г. китайские смартфоны заняли 49 % африканского рынка мобильных устройств. К 2025 г. показатели экспорта телефонии КНР в государства Африки приблизились к 9 млрд долл.

Основная ставка КНР сделана на не обладающий высоким доходом сегмент африканского рынка, способный к покупке смартфона стоимостью около 100 долл. и ниже. Доказательством успешности избранной Китаем стратегии являются высокие показатели экспорта телефонных аппаратов. Одновременно с целью оптимизации цепочек поставок было сделано несколько попыток создания сборочных цехов мобильных телефонов в странах Африки.

Ключевым торговым партнером КНР в Африке является Южно-Африканская Республика (ЮАР). Техногиганты Китая Huawei и ZTE ведут активное сотрудничество с крупнейшими южноафриканскими операторами связи Vodacom и MTN. Одним из важным трендом в развитии экономических отношений двух государств значится развитие телекоммуникационной инфраструктуры поколения 5G.

В условиях конкуренции внерегиональных контрагентов на африканском телекоммуникационном рынке поставщикам из КНР в основном приходится соперничать с финской Nokia и корейской Samsung корпорациями. Тем не менее Китай сохраняет за собой лидерские позиции главных экспортеров продукции данного сектора. Оценивая ситуацию на рынке макрорегиона в ракурсе возможностей российского партнерства, следует учитывать опыт китайского участия и разрабатывать возможности расширения сотрудничества со странами Африки — в том числе, на уровне внешнеполитических концепций и отраслевых стратегий.

У.А. Кукина. Авиация в Монголии существует почти 100 лет, обеспечивая связь отдаленных районов, доступ к медицине, образованию и товарам первой необходимости, особенно в зимний период. В 1946 г. создана служба гражданской авиации, в 1956 г. основана первая национальная авиакомпания «Аэрофлот Монголии», ставшая позже MIAT Mongolian Airlines. Импорт советской техники (Як-12, Ан-2, Ил-14) и строительство аэродромов позволили сформировать сеть внутренних рейсов и первые международные маршруты (Иркутск, Пекин). В 1990-х гг. открыты новые международные маршруты, модернизирован аэропорт Чингисхан. Возникают финансовые трудности, происходит закрытие многих грунтовых аэродромов, ухудшение обслуживания и безопасности. В стране

эксплуатируются современные лайнеры: Boeing-737-MAX-8, Boeing-737-800, Boeing-767-300ER, Embraer-E190; в военной авиации — МиГ-29, Ми-24В, Ми-8/Ми-171. В стране насчитывается около 80 аэропортов, из них лишь 11 с твердым покрытием; основные хабы — Улан-Батор (Чингисхан), Ховд, Улгий, Чойбалсан; расписание часто меняется из-за сильных ветров. Существует зависимость от импортного топлива: Российская Федерация обеспечивает 100 % потребностей монгольского авиационного рынка; в 2025 г. планируется поставка до 84 тыс. т авиационного керосина в год, а в 2026 г. — 1,8—1,9 млн т нефтепродуктов. Подготовка пилотов и инженеров происходит в России и за рубежом; языковой барьер и ограниченные квоты усложняют процесс. Совместный с Россией проект поставки легкого многоцелевого самолета ТВС-2МС (модернизация Ан-2) для сельского хозяйства и охраны окружающей среды; монгольская компания MUNKH AERO получила права на поставку техники.

Ключевые проблемы развития отрасли

- Критическая зависимость от импортного авиационного керосина.
- Географическая изоляция от международных узловых аэропортов.
- Сложные климатические условия (экстремальные температуры, сильные ветры).
- Малый внутренний рынок, ограничивающий рентабельность региональных перевозок.
- Отсутствие выхода к морю, повышающее стоимость логистики и авиабилетов.

Перспективные направления развития

- Дальнейшее обновление и расширение сети аэродромов.
- Увеличение пассажиропотока (прогноз 2,5 млн человек к 2028 г.) за счет роста туризма и экономической активности.
- Развитие региональных хабов и интеграция с международными маршрутами.
- Снижение зависимости от импортного топлива через долгосрочные соглашения и поиск альтернативных поставок.
- Усиление подготовки кадров, расширение квот и развитие отечественных учебных центров.

Р.Е. Жилин. Арктика постепенно утрачивает прежнее уникальное положение «зоны мира и сотрудничества», которое сохранялось даже на фоне общемировых геополитических противоречий. Размывание арктической исключительности связано не только с ростом конфликтного потенциала в регионе, но и с усилением роли нерегиональных акторов, оказывающих все более заметное влияние на региональную динамику, в том числе в сфере безопасности, включающей экономические, энергетические, экологические и информационные измерения наряду с традиционными военно-политическими факторами.

Одновременно именно европейская часть Арктики становится пространством заметной милитаризации. Она выражается в количественном и качественном росте военных учений, появлении новых элементов НАТО, восприятии региона как зоны передового развертывания, вступлении Швеции и Финляндии в альянс, а также в усилении американского присутствия в рамках двусторонних оборонных соглашений со странами Северной Европы. Фактор США распро-

страняется и на обеспечение постоянного нахождения своих вооруженных сил в регионе, что находит отражение и в амбициях, связанных с Гренландией.

Исходя из этих двух факторов — растущей роли нерегиональных государств и повышения конфликтного потенциала в европейской Арктике под влиянием США — ключевое значение приобретают отношения Китая со странами Северной Европы по арктической линии. Эта тема становится особенно актуальной в условиях риторики действующей администрации США.

США рассматривают Китай как прямую угрозу региональной безопасности в Арктике. В действующих стратегических документах, принятых еще при администрации Байдена, Китай уже был обозначен как фактор, вызывающий обеспокоенность в сфере безопасности. Именно этот аргумент, присутствие китайских военных кораблей и подводных лодок, используется в риторике Трампа как одно из оснований необходимости присоединения Гренландии к США. Таким образом, «угроза» Китая в Арктике в американской интерпретации выступает одной из тенденций, влияющих как на трансатлантические отношения, так и на более широкую глобальную динамику безопасности.

Страны Северной Европы имеют длительную историю взаимодействия с Китаем, как в экономической сфере, так и в контексте вклада страны в арктическую повестку. Китай прошел стандартные для азиатской державы этапы институционального и политического закрепления присутствия в регионе: установил научное сотрудничество с Норвегией на Шпицбергене, изучал экономические и политические возможности, участвовал в арктических исследованиях и работе Арктического совета.

Арктические стратегии и стратегии национальной безопасности стран Северной Европы не рассматривают Китай как непосредственную угрозу, сосредотачивая основное внимание на России. В этом проявляется расхождение между американским и европейским подходами к роли Китая в арктической динамике безопасности. Это подтверждается и в публичных заявлениях представителей Северной Европы относительно Китая.

Хотя Арктика действительно входит в фазу раскрытия конфликтного потенциала, в наиболее трансформирующейся ее части, европейском регионе, Китай не воспринимается как прямой дестабилизирующий фактор в краткосрочной перспективе. Сотрудничество России и Китая в Арктике вызывает обеспокоенность европейских государств, однако на данный момент не расценивается как реальная военная угроза. Вместе с тем гибридная природа арктических угроз может в будущем усилить опасения стран Северной Европы в отношении Китая, особенно с учетом американского позиционирования в регионе.

М.А. Шапор. В рамках данного доклада обратимся к относительно далекому для всех нас будущему, 80-е гг. XXI в., и посмотрим, то есть попробуем немного пофантазировать и предположить, как изменится роль Китая в этот новый — пока еще нам совершенно неизвестный и абсолютно неясный период — в рамках уже хорошо нам известных объединениях — ШОС и БРИКС. Естественно, никакие частные моменты мы не сможем и не будем анализировать — рассмотрим ис-

ключительно **стратегические направления до 2085 г.**, представленные в форме следующих трех блоков.

1. **Экономическое доминирование (2025—2050 гг.)**, включающее в себя возможность достижения Китаем к 2050 г. показателей «полностью развитой модернизированной социалистической державы». Согласно материалам прогноза Goldman Sachs, к середине века ВВП Китая достигнет 41,9 трлн долл., что позволит КНР закрепить за собой статус крупнейшей экономики мира. В рамках данного **(экономического) блока** следует отметить, что ШОС и БРИКС станут основными площадками для внедрения альтернативных платежных систем, обходящих доллар США, на основе действующих в этих странах своих собственных банков развития.

2. **Технологическое и экологическое лидерство (2050—2060 гг.)**, включающее в себя **возможность достижения КНР «углеродной нейтральности» к 2060 г.,** где ШОС выступит площадкой для продвижения своих «зеленых» технологий в Евразии. **Вторым направлением** в рамках данного раздела **создание Центра сотрудничества по искусственному интеллекту**. Кроме того, страны БРИКС активно вовлекаются в китайские проекты по исследованию Луны.

3. Заключительным рассматриваемым блоком является такое направлением, как **демографическая трансформация и лидерство**, реализация которого планируется до 2085 г., и включает в себя два момента.

- Несмотря на прогнозируемое сокращение населения до **610 млн к 2100 г.**, **Китай делает ставку на качественный рост — «сообщество единой судьбы человечества»**.
- Кроме того, в долгосрочной перспективе БРИКС трансформируется из экономического клуба в полноценный механизм **глобального управления, где Китай через инвестиции (Банк развития ШОС, НБР БРИКС)** обеспечивает лояльность стран-партнеров.

Таким образом, исходя из представленного доклада, можно сделать вывод, что значимость Китая в этих блоках (ШОС и БРИКС), в том числе и на перспективу, напрямую зависят от способности КНР минимизировать внутренние демографические риски и предложить партнерам систему, где лидерство не означает прямое доминирование, а позволяет реализовать полноценное партнерство внутри объединений.

Н.В. Пичугин. На 2026 г. *специальные кампании* по регулированию информационного пространства выступают индикатором активизации законодательной политики китайских властей и механизмом контроля над исполнением нововведенных плановых, нормативных правовых и подзаконных актов. Подводя итоги «14-й пятилетки», Чжуан Жунвэнь, председатель Канцелярии Комиссии ЦК КПК по сетевой безопасности и информатизации, в качестве иллюстрации успехов в совершенствовании системы управления интернет-средой выделил факт проведения более 60 специальных кампаний «Чистая и прозрачная сеть» (清朗行动). Наблюдается постепенная трансформация специальных кампаний в качестве управленческого инструмента из «чрезвычайного» в «системный». За 2025 г. Администрацией киберпространства КНР было проведено 10 специаль-

ных кампаний «Чистая и прозрачная сеть». Устоявшейся практикой становится обнародование планируемых к проведению специальных кампаний с указанием направлений работы в начале каждого года. В перспективе мобилизационные возможности специальных кампаний могут быть расширены за счет вовлечения граждан в процесс саморегулирования информационного пространства с помощью таких средств, как система жалоб населения на нарушения в сети Интернет.

Искусственный интеллект и связанные с ним отрасли имеют высокий потенциал для становления одним из основных драйверов экономического развития КНР. В конце июля 2025 г. Государственный совет принял «Мнение о дальнейшем углубленном внедрении инициативы “ИИ+”». В качестве одной из задач в документе был зафиксирован курс на дальнейшее усиление правового регулирования ИИ в контексте обеспечения национальной информационной безопасности. Лидерство в сфере ИИ, включая его правовое регулирование и применение для обеспечения общественной безопасности, может усилить позиции КНР в вопросе регулирования международной информационной безопасности, а также в качестве поставщика решений информационной безопасности.

Китай стремится к достижению мирового лидерства в сфере *гуманоидных роботов и воплощенного интеллекта*, что сопряжено с возможностями эффективного управления рисками и угрозами. В декабре 2025 г. при Министерстве промышленности и информатизации КНР был создан Технический комитет по стандартизации в сфере гуманоидных роботов и воплощенного интеллекта. На первом заседании указанного ведомства (которое планируется проводить ежегодно) «Система стандартов в сфере гуманоидных роботов и воплощенного интеллекта» была представлена 28 февраля 2026 г. В перспективе гуманоидные роботы и воплощенный интеллект могут стать неотъемлемой частью китайских международных проектов по строительству умных городов. К примеру, в 2025 г. в Пекине был создан автономный городской демонстрационный район гуманоидных роботов. Китайское правительство на институциональном, правовом и инфраструктурном уровне закладывает фундамент, который может привести становлению КНР в качестве одного из ведущих мировых центров производства и распространения гуманоидных роботов и воплощенного интеллекта.

На современном этапе в КНР *технологии распознавания лиц* в контексте обеспечения общественной безопасности реализуются преимущественно через два ключевых направления: системы видеонаблюдения (视频监控系统) и системы контроля и управления доступом (门禁系统). Указанные системы являются неотъемлемыми в процессе обеспечения информационной безопасности КНР. В стране 1 июня 2025 г. вступили в силу «Меры по управлению безопасностью применения технологий распознавания лиц», разработанные Государственной канцелярией интернет-информации совместно с Министерством общественной безопасности. В документе в качестве основных правовых регулирующих норм был закреплен принцип «информированного согласия» и уникальный в его интерпретации в КНР принцип «минимальной необходимости». Использование принципа «минимальной необходимости» направлено на усиление партийно-государственного контроля. Однако китайский законодатель одновременно сознательно не вводит ограничений в отношении НИОКР, что демонстрирует поддержку от-

раслевого развития. В перспективе Китай может поддерживать лидирующие позиции в сфере видеонаблюдения и технологий распознавания лиц, что обусловлено как наличием высокоразвитой производственной базы, так и особенностями правового регулирования отрасли.

На современном этапе развитие *системы общественного доверия* преимущественно направлено на регулирование и повышение доверия к деятельности предприятий и государственных учреждений как внутри КНР, так и на международном уровне. Однако по мере роста технологических возможностей и совершенствования правового регулирования не исключена доработка и принятие обновленного Закона КНР о построении системы общественного доверия, проект которого ранее публиковался в 2022 г. 21 мая 2025 г. Канцелярия ЦК КПК совместно с Канцелярией Госсовета КНР обнародовали «Мнение об усовершенствовании системы общественного доверия». Согласно положениям документа, система общественного доверия и хозяйственная деятельность китайских предприятий, связанных с ее функционированием, закрепляются в качестве субъектов международного сотрудничества с государствами, участвующими в инициативе «Один пояс — один путь» и странами — членами БРИКС. В перспективе система общественного доверия может стать одним из механизмов китайской модели цифрового управления, направленного на обеспечение информационной безопасности и политической стабильности.

Нгуен Тхи Хаи Ань. В условиях глобальной трансформации цепочек поставок и необходимости диверсификации экспортных рынков поиск новых рынков для малых и средних предприятий (МСП) Российской Федерации становится стратегической задачей. Вьетнам выступает не только давним традиционным партнером России, но и перспективным партнером, лидируя в Юго-Восточной Азии по темпам экономического роста и уровню доверия международных инвесторов. Согласно прогнозу Всемирного банка, рост ВВП Вьетнама в 2026 г. достигнет 6,8 %; в то же время Международный валютный фонд прогнозирует номинальный ВВП на уровне 527,27 млрд долл. США.

Кроме того, во Вьетнаме наблюдается высокий спрос на цифровую трансформацию. По данным отчета, представленного на ежемесячном брифинге Министерства науки и технологий Вьетнама, выручка индустрии цифровых технологий в апреле 2026 г. оценивается в 622 402 млрд вьетнамских донгов, что на 38 % больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Ожидается, что объем электронной коммерции достигнет 37 млрд долл. США в 2026 г., что составит около 7 % ВВП. Это соответствует общей тенденции, поскольку правительство Вьетнама вновь подтвердило цель довести долю цифровой экономики (включая электронную коммерцию, цифровые технологии и цифровые платформы) до 30 % ВВП к 2030 г.

Для российских МСП вышеуказанные тенденции создают особые преимущества. Во-первых, Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом предоставляет российским МСП значительные тарифные преференции. Во-вторых, Вьетнам испытывает дефицит решений в области кибербезопасности, промышленного искусственного интеллекта и управленческого программного обес-

печения — областей, в которых Россия обладает сильными компетенциями. В-третьих, Вьетнам демонстрирует открытость к поиску технологических партнеров из стран вне западного блока. Это создает стратегические возможности для российских МСП, особенно в контексте растущих барьеров для технологических решений из США и ЕС на вьетнамском рынке — как с точки зрения затрат на соблюдение новых стандартов, так и рисков, связанных с торговыми расследованиями, в частности делом по Разделу 301 Закона о торговле США.

В настоящее время поддержка российских МСП во Вьетнаме осуществляется по двум основным каналам. Во-первых, система цифровых атташе (digital attache) при Минпромторге России располагает широкими связями с местными органами власти и способна оперативно вмешиваться в административные вопросы, а также осуществлять первичное ознакомительное соединение предприятий. Однако ресурсы цифровых атташе ограничены (как правило, 1—2 человека на одну страну). Это не позволяет им проводить углубленный анализ конкретной деятельности отдельных предприятий или осуществлять детальные рыночные исследования. Во-вторых, ИКСА РАН обладает сильными позициями в области фундаментальных исследований, политического анализа и академического престижа. Центр изучения Вьетнама и АСЕАН уже опубликовал ряд ключевых трудов, включая учебник «Экономика стран Юго-Восточной Азии» (2020 г.) и справочник «Вьетнам — торговый и инвестиционный партнер» (2022 г.); в конце 2026 г. планируется издание еще одного справочного пособия по ведению бизнеса во Вьетнаме. Тем не менее, Центру в настоящее время не хватает механизма прямого взаимодействия с предпринимательским сообществом, а также прикладных исследовательских продуктов, адаптированных под индивидуальные запросы конкретных МСП.

Таким образом, существует институциональный разрыв: отсутствует специализированное звено, выполняющее роль глубинного посредника между академической наукой и предпринимательской практикой. В частности, не хватает механизма, который мог бы: (а) принимать конкретные запросы от МСП, (б) проводить рыночный анализ с глубиной, превышающей возможности цифровых атташе, но с большей прикладной направленностью по сравнению с чисто академическими трудами, и (в) преобразовывать результаты такого анализа в конкретные практические рекомендации для бизнеса.

В данной статье предлагается создать Российско-Вьетнамский центр цифровой торговли в структуре Отдела изучения Вьетнама и АСЕАН при ИКСА РАН. На начальном этапе Центр будет выполнять три ключевые функции: прикладные исследования, практический консалтинг и B2B-соединение. По первой функции Центр будет готовить тематические отчеты по запросам предприятий и формировать оцифрованную базу данных по соглашениям о свободной торговле и соответствующим правовым нормам. По второй функции Центр будет предоставлять услуги первичной юридической поддержки, консультировать по вопросам оптимизации налогообложения на основе ЗСТ ЕАЭС—Вьетнам, помогать в защите интеллектуальной собственности и соблюдении требований Закона о кибербезопасности Вьетнама. По третьей функции (на начальном этапе) предполагается ежегодное проведение онлайн-мероприятий по торговому сотрудничеству в тес-

ной координации с цифровыми атташе: цифровые атташе играют ведущую роль в презентации партнеров, а Центр оказывает поддержку в подготовке документации и предварительной верификации информации.

Создание Центра принесет Институту пять стратегических выгод на предстоящие 60 лет. Во-первых, это повышение академического престижа за счет публикаций, основанных на эмпирических данных, полученных непосредственно от предприятий. Во-вторых, усиление политического влияния через участие в подготовке рекомендаций для правительств обеих стран. В-третьих, трансформация образа Института с сугубо исследовательского на стратегический аналитический центр.

Предлагаемая концепция Российско-Вьетнамского центра цифровой торговли базируется на научном фундаменте, уже созданном ИКСА РАН в рамках трудов по экономике Юго-Восточной Азии и вьетнамскому партнерству. Данное предложение соответствует Пункту 4 в определении деятельности Института: оказание аналитического и практического содействия российским государственным и частным корпорациям по работе на рынках дружественных стран Азии. Ожидается, что Центр станет связующим звеном между академической наукой и бизнес-практикой, способствуя повышению эффективности поддержки российских МСП на рынке Вьетнама и в регионе АСЕАН.

А.А. Попов. Горнодобывающий сектор экономики Индонезии, начало развитию которого было положено в Нидерландской Ост-Индии, а бурный рост начался в период капиталистической модернизации, проводимой режимом президента Сухарто, начиная с конца 60-х гг. XX в. Несметные и в значительной мере еще нетронутые природные богатства Индонезии привлекали огромное внимание международного капитала, однако бессменный президент Индонезии Сукарно препятствовал их эксплуатации, что в итоге стоило ему поста. Пришедший к власти в результате военного переворота 1965 г. генерал Сухарто открыл широкий доступ иностранному капиталу в экономику Индонезии и, прежде всего, в ее горнодобывающий сектор.

Валютно-финансовый кризис 1997—1998 гг. похоронил режим Сухарто, и начавшиеся в стране демократические преобразования, одним из своих следствий имели бурный рост предпринимательства в горнодобывающей промышленности на фоне высокого спроса на внешних рынках на индонезийское минеральное сырье и уголь. Особенно высокий спрос в первое десятилетие XXI в. возник на индонезийскую никелевую руду и бокситы со стороны стремительно развивающейся китайской экономики. В Индонезии начался настоящий бум по поставкам этого сырья в Китай, сопровождающийся хищнической эксплуатацией никелевых и бокситных месторождений, что явилось одной из главных причин принятия в 2009 г. Закона № 4 «О добыче минералов и угля», предполагающего обязанность для всех держателей горнодобычных лицензий осуществлять переработку и рафинирование добываемых минералов и введение в 2014 г. запрета на экспорт необработанного минерального сырья.

Введенный в январе 2014 г. запрет оставил китайские компании без дешевого индонезийского сырья и явился для китайского капитала хорошим стимулом для

осуществления крупных инвестиций в переработку этого сырья на территории Индонезии. Пионером стала компания «Циньшань», построившая крупный завод на Сулавеси по производству методом электроплавки (RKEF) никелевого чугуна/NPI, т. е. ферроникеля с пониженным содержанием никеля, который успешно применялся в Китае для производства нержавеющей стали. Удачный старт «Циньшаня» сподвиг и других китайских металлургических гигантов осуществить крупные инвестиции в Индонезии, и с 2017 г. началось массовое строительство китайских смелтеров на Сулавеси и на Молуккских островах, где находятся основные месторождения никелевых руд. Многие из этих смелтеров создавались на Центральном Сулавеси, в Моровали, где к этому времени «Циньшань» успела построить крупную промзону и еще целый ряд заводов по производству NPI и нержавеющей стали.

Новый технологический прорыв в никелевой промышленности Индонезии в 2022 г. совершила местная китайская компания «Группа Харита», которая со своими партнерами из КНР сумела внедрить технологию кислотного выщелачивания под высоким давлением (HPAL), позволившую задействовать руды, относительно бедные никелем и более дешевые, нежели сапролиты, используемые при производстве NPI, лимониты. На острове Оби в зоне Молуккских островов Харита построила первое предприятие, основанное на этой технологии и производящее так называемый гидрооксидный осадок никеля и кобальта (MHP), являющийся промежуточным звеном при производстве сульфата никеля и сульфата кобальта, важных компонентов при производстве аккумуляторов для электромобилей. Вслед за Харита подобные предприятия массово начали строить и другие китайские компании.

По состоянию на середину 2025 г. в Индонезии уже работало 49 заводов на основе технологии электроплавки по производству ферроникеля/NPI, потребляющие 240 млн т руды (сапролитов), 35 с объемом потребления 150 млн т строилось и еще 36 предприятий, которым было необходимо 195 млн т сапролитов в год, находилось на стадии проектирования. В случае реализации всех этих проектов ежегодное потребление сапролитов должно составить 585 млн т. В это же время по технологии HPAL работало 5 предприятий, потребляющих 48 млн т лимонитов, 3 завода с объемом потребления в 33,5 млн т строилось и 19, готовых использовать 68,5 млн т, также находилось в стадии проектирования. Таким образом, потребность этих 27 предприятий в лимонитах может составить 150 млн т в год. Между тем достоверные извлекаемые запасы никелевой руды в этот период составляли 5,3 млрд т, из которых 60 % приходилось на сапролиты и 40 % — на лимониты, т. е. существующих запасов явно не хватает на длительную работу всех этих предприятий. В этих условиях в 2025 г. правительство Индонезии было вынуждено ввести запрет на строительство новых предприятий по производству ферроникеля/NPI, никелевого матте и гидроксида никеля и кобальта.

Введение этого запрета было также обусловлено перепроизводством никеля в мире именно за счет бесконтрольного его роста в Индонезии, на которую в 2025 г. приходилось уже 65 % мирового производства, которое составляет примерно 3,7 млн т, что на 200 тыс. т больше мирового потребления. В результате в 2025 г. произошел очередной обвал цен на никель, что ударило и по бюджету самой Ин-

донезии, и затронуло другие никельпроизводящие страны, включая РФ. Нынешнее же руководство Индонезии оказалось заложником тактических ошибок своих предшественников, допустивших и бесконтрольный рост отрасли, и засилие в ней китайского капитала, и низкий уровень цен на никелевую руду, который был выгоден исключительно китайским перерабатывающим предприятиям, поставляющим по внутрифирменным каналам дешевый NPI на сталелитейные заводы в Китае, в результате чего китайская нержавеющая сталь оказалась на мировом рынке вне конкуренции. Достигнуто же это было за счет масштабной эксплуатации природных ресурсов Индонезии и серьезного загрязнения ее окружающей среды.

В этих условиях руководство Индонезии, осознав масштаб ущерба для национальной экономики, сначала значительно увеличило роялти за продаваемую на внутреннем рынке руду, а затем резко ограничило и квоты на ее добычу на 2026 г. Самой же радикальной мерой, подрывающей всю экономику китайского бизнеса, базирующимся на дешевом NPI, стало обязательное включение в базовую цену руды, по которым она реализуется на внутреннем рынке, помимо собственно никеля и других ее компонентов, а именно железа, хрома и кобальта, что привело к значительному росту цен на руду на внутреннем рынке и на никель на мировых рынках. Кроме того, в мае 2026 г. президент Индонезии Прабово Субианто объявил, что целый ряд важнейших экспортных сырьевых товаров, включая пальмовое масло, уголь и ферросплавы, должны экспортироваться через государственное экспортное агентство, и в настоящее время решается вопрос, войдет ли в их число и NPI, самый массовый продукт китайских смелтеров в Индонезии. Представляется, что в настоящее время на руководство страны оказывается серьезное политическое давление со стороны Китая в плане необходимости прекращения резкого изменения правил работы китайских предприятий в Индонезии. И перед правительством Индонезии стоит непростая задача, как, с одной стороны прекратить дискриминацию собственной экономики со стороны китайского капитала, а с другой — сохранить его в стране и переориентировать на работу на более выгодных для Индонезии условиях, тем более что именно с никелевой промышленностью может быть связано создание новой для Индонезии, высокотехнологичной отрасли производства аккумуляторов для электромобилей.

Поступила в редакцию: 15.06.2026
Принята к публикации: 31.08.2026

Received: June 15, 2026
Accepted: Aug 31, 2026